

ЕЛИСЕЕВА А. Г., СЕЛИВЕРСТОВА О. Н.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА МЕСТОИМЕННОГО ЗНАЧЕНИЯ

1. Местоимения представляют собой один из самых загадочных в семантическом отношении класс слов. Одни лингвисты считали их выразителями наиболее общей идеи предметности, качественности и т. д. [1]. Другие, напротив, приписывали и приписывают им чрезвычайно конкретное, но не постоянное, ситуативно изменчивое значение [2, 3]. Третьи видят их основное своеобразие в том, что они характеризуют актант ситуации через его отношение к говорящему лицу или выражают другие отношения, связанные с актом речи [4, 5]. Четвертые полагают, что местоимения составляют одно из главных средств актуализации языкового знака, установления его связи с обозначаемым, т. е. референтом или денотатом [6].

В предлагаемой статье на примере анализа производных с англ. *-one* и *-body* будет представлена следующая концепция местоименного значения: 1) значение местоимений не более изменчиво, чем значение остальных слов; 2) их значение не сводится к характеристике актанта ситуации через его отношение к акту речи, в котором это событие описывается; 3) собственно лексическая часть значения местоимений складывается из двух компонентов: а) из информации об уровне характеристики актанта ситуации и б) из указания на «адрес» идентификации (т. е. указание на того или иного участника акта речи или на элемент контекста), что и позволяет представить актант ситуации в соответствии с заданным уровнем характеристики; 4) своеобразие местоимений в денотативном плане предопределяется их значением, и, таким образом, денотативные свойства — лишь следствие их семантических особенностей.

Поясним понятие уровня характеристики. Под этим понятием имеется в виду возможность представить один и тот же денотат с разной полнотой учета его свойств. Так, индивид может быть отображен в семантической структуре высказывания только через тот набор свойств, который предопределяет его отнесенность к тому или другому классу: (1) *Я говорил с женщиной*. Далее, индивид может быть представлен как носитель «уникального», но не исчерпывающего его индивидуальность свойства: (2) *Моя собеседница промолчала* (актант ситуации охарактеризован как носитель свойства «быть моей собеседницей»). В отличие от этого имя собственное при употреблении по отношению к лицу, известному и говорящему и слушателю, ассоциируется с образом данного лица, т. е. представляет его как индивидуальность: (3) *Вы давно виделись с Натальей Николаевной?* Подобную же информацию передают, как мы полагаем, и местоимения *я* и *ты*. Различие, однако, заключается в следующем: данная информация задана в самом языковом значении *я* и *ты*, не связана с каким-то отдельным индивидом, а сводится к требованию представить актант ситуации именно как индивидуальность, личность, т. е. задается высший уровень характеристики. При этом указы-

вается (второй компонент значения), что эта личность идентична либо говорящему, либо адресату речи. Таким образом, указание на роль в акте речи не определяет здесь — в отличие от таких выражений, как *моя собеседница; говорящий данные слова*, — то, как представлен актант ситуации. Данная информация составляет лишь отсылку, позволяющую идентифицировать личность участника события. Это различие лежит в основе определенных особенностей употребления. Ср.: *моя прекрасная собеседница*, но **прекрасная ты, *уважаемый вы*. Ср. также: (4) *Ты отдала свою судьбу другому* (Блок А. Стихотворения). Поскольку слово *ты* представляет актант ситуации как личность, оно может обозначать индивид при выполнении им самых разных ролей в ситуации. Так, в (4) имеется в виду роль жены, возлюбленной. Напротив, выражения типа *моя собеседница* указывают именно на выполнение роли адресата речи. Поэтому странно звучит: (4а) **Моя собеседница ушла к другому*.

Итак, уникальную особенность местоимений мы видим в том, что они задают тот или иной уровень характеристики актанта ситуации. При этом они сами не раскрывают заданной характеристики, а только либо отсылают к тому элементу ситуации или контекста, через который можно получить недостающие сведения, либо указывают на отсутствие необходимых сведений у говорящего или на то, что по той или иной причине они не будут сообщены слушателю. Развиваемая в данной статье точка зрения в известной степени объединяет в себе разные подходы к описанию местоименного значения. Во-первых, как и многие другие лингвисты, мы рассматриваем местоимения как слова, содержащие информацию о роли участника события в акте речи или сообщающие о других отношениях к акту речи или контексту. Во-вторых, подобно лингвистам, полагающим, что местоимения не имеют постоянного значения, мы рассматриваем указанную выше информацию не как характеристику актанта ситуации, а как отсылку, позволяющую идентифицировать актант ситуации (ср.: *я и произносящий данные слова; ты и моя собеседница*). Однако мы не делаем отсюда вывода относительно того, что местоимения не имеют постоянного значения: и «отсылочная» информация, и информация об уровне характеристики не зависят от контекста и, таким образом, входят в состав местоименного значения.

Представление об уровне характеристики, насколько нам известно, не выдвигалось в других исследованиях. Однако элементы этого представления есть в ряде работ.

Прежде всего, начиная с работ Гумбольдта (см. об этом [1]), я связывается с выражением личности говорящего [7, 8]. Подобным же образом трактуется и *ты* — выражение личности адресата речи. Однако место этой информации в структуре значения либо не обсуждается, либо определяется иначе, чем предложено в нашей статье [7]. Другие концепции местоименного значения менее прямо и менее однозначно могут быть связаны с проводимой точкой зрения. Так, утверждение о том, что местоимения и другие слова, относимые к актуализаторам, задают денотативный статус (если воспользоваться термином Е. В. Падучевой) именно группы, потенциально могло бы быть интерпретировано в смысле, близком к вводимому нами понятию «уровня характеристики». Для этого нужно было бы считать, что указание на денотативный статус составляет особый, самостоятельный компонент значения. Такого утверждения, однако, в рассматриваемых работах не содержится. В некоторых из них (например [4]) выделение такого компонента значения несомненно исключается, поскольку местоименное значение в явной форме определяется

лишь как выражающее отношение актанта ситуации к лицу говорящего. Своеобразие же в денотативной отнесенности (например, неупотребляемость *я*, кроме отдельных редких случаев, для обозначения обобщенного денотата) считается следствием этого значения. Вводимое понятие уровня характеристики отличается от понятия денотативного статуса еще и в следующем отношении. О различии в денотативном статусе естественно, как нам представляется, говорить в том случае, когда различаются сами типы денотатов¹. Поэтому говорить о том, что местоимения предопределяют «денотативный статус» можно было бы, если бы, например, они однозначно указывали на референтное или, напротив, нереферентное употребление. Как будет показано ниже, местоимения чаще всего могут соотноситься с разными денотативными типами, и, таким образом, указание на какой-то один тип денотата не составляет их общей черты. В связи с отличием предлагаемого подхода от существующей интерпретации местоимений как актуализаторов обратим внимание еще на следующее: если признать, что местоимения задают только уровень характеристики, но не тип денотата, то вряд ли можно считать, что все местоимения играют какую-то исключительную роль в «сцеплении» высказываний с действительностью.

2. Попытаемся теперь проиллюстрировать справедливость предлагаемой точки зрения на примере анализа английских местоимений *-one/-body*, которые в статье представлены в основном местоимениями *someone/somebody*².

Впервые различие между производными с *-one* и *-body* было показано в работе Болинджера [9]. До этого считалось, что их значения тождественны [10], хотя и отмечались отдельные расхождения в условиях употребления. Д. Болинджер выдвигает следующую гипотезу: «*-one* и его производные маркированы по признакам близости к говорящему и индивидуализации; напротив, производные с *-body* не маркированы по этим признакам. Вследствие этого производные с *-body* больше похожи на существительные множественного числа с показателем неопределенности; они не показывают, что внимание говорящего/слушателя акцентируется на личности референта» [9, с. 230]. Сходным образом определяется различие между рассматриваемыми единицами и в более поздней работе Д. Болинджера. Он пишет, что местоимения с *-one* связаны с представлениями о близости как в пространственном, так и в психологическом плане. Приводится также следующая формулировка одного из информантов, которая рассматривается как соответствующая постулируемой

¹ См.: однако, [6], где в рамках референтного употребления выделяются денотативные подстатусы, связанные с признаками « $\pm$ определенность», т. е. известность для говорящего и слушателя, и « $\pm$ слабая определенность», т. е. известность только для говорящего. В отличие от этого подобные признаки мы не рассматриваем как предопределяющие не только тип денотата, но и уровень его характеристики. Подчеркнем, что признак известности/неизвестности мы отграничиваем от того признака, который лежит, например, в основе противопоставления английских артиклей и который также принято обозначать термином « $\pm$ определенность». Этот последний признак указывает на уровень характеристики.

² При исследовании было опрошено 8 англичан: шесть слушателей русского языка в Лондонском университете (возраст 20–28 л.) и двое преподавателей английского языка (28 л.). Авторы пользуются случаем высказать им глубокую благодарность. Авторы особенно благодарны М. Фитцджеральд, ответы которой помогли сформулировать исходные гипотезы. Остальные информанты участвовали в контрольных опросах. Авторы также благодарят А. П. Василевича, который провел опрос информантов в Лондонском университете.

гипотезе: «*one* — близость, определенность, индивидуальность; *-body* — дальность, неопределенная референция, коллективность» [11, с. 15].

Полученные нами результаты сходны с выводами Д. Болинджера³. Однако есть и некоторые различия. Д. Болинджер выдвигает фактически три признака: «близость/дальность» (пространственная и психологическая), «индивидуализация/отсутствие индивидуализации» (коллективность); «определенность/неопределенность». В отличие от этого мы попытаемся показать, что для противопоставления *one* и *-body* существует только один признак: «индивидуализация/отсутствие индивидуализации», который можно несколько точнее определить как «акцентирование неакцентирование внимания» на индивидуализированном представлении актанта ситуации. Восприятие психологической или пространственной близости может возникать как возможное, но не обязательное следствие данного признака и не имеет самостоятельной значимости. Различие по признаку определенности/неопределенности реализуется лишь в некоторых условиях употребления. В других же условиях и производные с *one*, и производные с *-body* могут быть охарактеризованы через понятие определенности в широком смысле слова. Обратимся к рассмотрению этого последнего признака.

В англистике понятие «неопределенности» прежде всего связывается со значением неопределенного артикля, который показывает, что денотат имени характеризуется как член некоторого класса. В отличие от этого местоимения с *-body* чаще всего (хотя и не всегда) представляют актант ситуации в его индивидуализирующей характеристике⁴. В пользу сделанного утверждения говорит то, что и *someone*, и *somebody* могут употребляться в тех случаях, когда характеристика актанта ситуации только через признак его отнесенности к тому или иному классу была бы недостаточной или даже бессмысленной⁵.

(1) *Where would he be buried? Somebody would know — Francis or Eustace* (J. Galsworthy, *The white monkey*) «Где его похоронят? Кто-нибудь, наверное, знает — Френсис или Юстас». Употребление в этом контексте не только слов типа *a man*, *a woman*, но и слова *relatives* «родственники» было бы бессмысленным. Ср. русск.: *Человек, наверное, знает об этом. Недопустимость употребления слова *relatives* объясняется тем, что сам говорящий входит в число родственников. Поэтому актант ситуации здесь может быть представлен только индивидуализированно⁶. Ср. также перевод с русского:

(2) *А Жилину пить хочется, в горле пересохло, думает: хоть бы пришли проведать* (Л. Н. Толстой. Кавказский пленник) *Ghilin was thirsty — his throat was dry — and he wished somebody would come (*a man would come, *a woman would come)*.

³ В отличие от Д. Болинджера мы работали с английскими информантами, и, таким образом, полученные результаты свидетельствуют о значимости выделенного семантического противопоставления не только для американского, но и для британского варианта английского языка.

⁴ Именная группа с определенным артиклем, как мы полагаем, по крайней мере, в большинстве условий употребления характеризует актант ситуации через «уникальный», но не составляющий его индивидуальность признак. Напротив, местоимения с *one* и *-body* скорее обычно задают уровень представления актанта ситуации как личности, индивидуальности.

⁵ Вопрос о достаточности/недостаточности той или иной характеристики актанта ситуации не всегда зависит только от логической структуры текста. Рамки данной статьи, однако, не позволяют нам остановиться на этом вопросе более подробно.

⁶ Подчеркнем, что отображение актанта ситуации именно как индивида не исключает его принадлежности к множеству. Например: *С ней говорил один из нас — один* характеризует актант ситуации как индивид. Ср., напротив: *С ней говорил врач*.

В приведенных контекстах речь шла о совокупности известных говорящему лиц. При «неизвестном» заполнителе актантной позиции его характеристика через отнесенность к классу часто также бывает недостаточной:

(3) *In other words, he left the door open, but he came back to find it shut. Why? Because somebody else had already passed out that way* (G. K. Chesterton, Stories) «Другими словами, он оставил дверь открытой, но когда вернулся, она оказалась запертой. Почему? Потому что здесь прошел еще кто-то». В (3) нельзя заменить *somebody* на то или иное обобщенное существительное (*a man, a person*). Ср. также русск.:

(4) «Вот теплятся желтые свечи, Забытые в чьем-то окне» (А. Блок. Стихотворение) (**в окне человека, *в окне жителя города*).

Местоимение *чье-то* в данном контексте «требует» представления актанта ситуации не только как члена класса людей, жителей, но и как индивида в его индивидуализирующей характеристике, которая, однако, остается неизвестной говорящему.

Только в некоторых контекстах *somebody* может указывать на принадлежность актанта ситуации к тому или иному классу. Однако в этих условиях его значение не тождественно значению существительного множественного числа с нулевым показателем неопределенности. В отличие от существительного *somebody* указывает на отнесенность к некоторому подклассу внутри большого класса, причем признак, объединяющий данный подкласс, не раскрывается (этот признак неизвестен либо слушателю, либо и говорящему и слушателю одновременно):

(5) *He must have been cornered by a mugger or a mafioso or somebody, from the way they worked him over* «Судя по тому, как его избили, на него напал профессиональный грабитель или мафиозо или еще кто-нибудь в этом роде» (пример взят из [11, с. 230]). Таким образом, и *someone* и *somebody* представляют актант ситуации на уровне индивида (индивид, отображенный в наборе его индивидуализирующих свойств); *somebody* (а, возможно, при некоторых условиях и *someone*) может также отображать актант ситуации на уровне члена класса.

Остановимся теперь на признаке пространственной или психологической близости/дальности. О том, что выбор между *-one* и *-body* не зависит однозначно от признака пространственной близости/дальности, свидетельствуют данные, содержащиеся в работе самого Д. Болинджера ([11], тесты № 13, 14, 35, 37). Например, информанты должны были сделать выбор между *everybody* и *everyone* в контексте:

(6) *Where is everybody/everyone? The place looks deserted* «Куда же все подевались? Похоже, что жители ушли из города». При этом задавались два разных условия: 1) астрономы, наблюдая через телескоп, обнаруживают на Марсе город со всеми следами «живой» цивилизации, но не видят его жителей; 2) та же картина наблюдается космонавтами, приземлившись на Марсе и попавшими в данный город. При первом условии большинство опрошенных выбрало *everybody* (10 из 12). При втором условии результаты опроса изменились (5 выбрало *everyone* и 7 *everybody*), но не настолько сильно, чтобы можно было говорить об однозначном влиянии признака близости/дальности на выбор между *everyone* и *everybody*. Отметим также, что параметр пространственной близости/дальности вообще не ассоциируется с большинством условий употребления местоимений с *-one* и *-body*. Что же касается психологической близости/дальности, то он также не объясняет распределения в текстах производных этих местоимений. Введение его в толкование не противоречит смыслу вы-

сказываний с *-one* и *-body* в тех случаях, когда понятие психологической близости/дальности ассоциируется с признаком индивидуализации. В тех же случаях, когда такой корреляции нет, толкование через данное понятие не раскрывает содержания высказывания (см., например, тесты № 33 и № 34 Д. Болинджера), ср. также следующие предложения:

(7) *When a young boy does any damage to someone else's property, it is his father who always has to foot the bill* (пример информанта) «Когда мальчик приносит ущерб чьей-нибудь чужой собственности, то его отец должен возместить ущерб»;

(8) *...and surely wanting to pull someone's nose is a nasty tendency, isn't it, dear boy?* (S. and R. Thorndike. Lilian Baylis). «Желание провести человека не очень-то благородно, не так ли, мой дорогой?»

(В (7) и (8) значение *someone* вряд ли выражает представление о психологической близости.

3. Покажем теперь зависимость выбора производных с *-one* и *-body* от признака «акцентирование/неакцентирование внимания» на личности возможного заполнителя актантной позиции. Рассмотрим также различные варианты их значения. Постановка этой задачи требует классификации диагностирующих контекстов. Рассмотрим также типы денотативной отнесенности, характерные для анализируемых местоимений⁷.

Значение *somebody* определяется в работе следующим образом: это местоимение несет информацию о том, что 1) актантная позиция заполнена (или будет, должна была бы быть и т. д. заполнена) и 2) актант ситуации характеризуется чаще всего как индивид или — реже — член подкласса внутри класса людей, но при этом 3) индивидуализирующие свойства данного индивида или признак, объединяющий данный подкласс, не раскрываются; они 4) объявляются неизвестными говорящему или такими, которые по той или иной причине не сообщаются слушателю, и — более того — 5) индивидуальность актанта ситуации признается несущественной для данного акта речи, и, таким образом, она как бы игнорируется.

Someone отличается от *somebody* по последнему (пятому) признаку: оно показывает, что индивидуальность актанта ситуации не отбрасывается: она существенна для данного акта речи, хотя и не раскрывается (точнее, она может быть раскрыта, хотя и не обязательно, в последующем контексте). Самым общим следствием из постулируемого различия является следующее: *somebody* должно употребляться, когда в центре внимания говорящего стоит само событие или сам факт заполненности «ролевых» позиций, выступающих в качестве ингредиентов описываемого события. Напротив, если внимание сосредотачивается не только на событии в целом, но и на личности участника, то должно выбираться *someone*.

Рассмотрим различные условия употребления анализируемых единиц, для того чтобы проверить, действительно ли данное следствие имеет место⁸.

⁷ В работе Д. Болинджера задается только список диагностирующих примеров, которые, однако, не классифицируются по типам. Выделенные условия употребления лишь частично совпадают с установленными нами. Два других вопроса — о вариантах значения и о денотативных типах — в работе Д. Болинджера не ставились.

⁸ Заметим, что толкование отдельных примеров информантами иногда прямо соответствовало сформулированному выше следствию. Так, например, комментируя предложение *Everyday someone (somebody) would come to see her* «Каждый день к ней кто-то/кто-нибудь приходил» двое из информантов отметили, что *someone* акцентирует внимание на том, кто приходил. Напротив, *somebody* показывает, что важно только одно, а именно: что посетитель был, т. е. посещение состоялось. Другие предложенные толко-

Одним из проявлений сформулированного следствия является употребление производных с *-one* в тех условиях, когда для говорящего (или героя повествования, через восприятие которого описывается денотативная ситуация) важно идентифицировать участника события или когда говорящий в последующей речи собирается осуществить акт идентификации. Интерес к идентификации в свою очередь может зависеть от типа речи. Среди многих градаций актов речи по их цели можно провести и следующее различие: 1) цель речи — просто создать картину, воспринимаемую зрением или какими-либо другими органами чувств, причем говорящий как бы безличный «фиксатор» того, что происходит, — воспроизводится лишь внешняя сторона событий, объективно регистрируемая органами чувств; 2) цель речи — сообщить о непосредственно воспринимаемом, но при этом говорящий — не безразличный «фиксатор», а присутствующее в ситуации лицо, которое может быть так или иначе затронуто событием. Понятно, что при первой цели для говорящего не существенна личность участника события. Поэтому можно ожидать, что в этом типе речи будут употребляться местоимения с *-body* (это и действительно имеет место):

(9) *«Somebody was in hammock, somebody, but in this light they were phantoms only half guessed, half seen...»* (V. Wolf. A zoom of one's own) «В гамаке кто-то лежал, кто-то, но в этом свете они были только фантомами, о которых можно было скорее догадываться, чем видеть их». Ср. перевод с русского: «Далеко за оврагом, позади сада, кто-то запел звучную песню...» (Н. Лесков. Леди Макбет Мценского уезда):

(10) *Away beyond the gully on the far side of the orchard, somebody began singing a sweet melody...*

К особому «непоэтическому» варианту описательной речи можно отнести авторские ремарки в пьесах типа:

(11) *Somebody tries the door with the key* (B. Shaw. Mrs. Warren's profession).

Употребление *someone* во всех приведенных контекстах признавалось опрошенными неправильным (8 человек).

Напротив, вторая цель речи создает предпосылку для акцентирования внимания на личности актанта ситуации: при восприятии события, которое может иметь то или иное отношение к воспринимающему, он, естественно, пытается идентифицировать участников этого события. Таким образом, можно ожидать, что в этом типе речи будет использоваться *someone*, что и подтверждается при анализе примеров. Так, например, при переводе текста: *Слышит — бежит кто-то с горы, легко попрыгивает. Думает, опять Дина* (Л. Н. Толстой. Кавказский пленник) все опрошенные (4 человека) выбирали *someone*, это же местоимение использовалось и в опубликованных переводах:

(12) *Then he heard someone running lightly down the hill and assumed it must be Dina.*

Есть, однако, одно условие, которое заставляет отдавать предпочтение выбору *somebody*, а именно: при эфатической речи (например, когда говорящий считает описываемое событие опасным, трагическим и т. д.) центр внимания переносится с идентификации участника на сам факт осуществления события и заполненности его актантных позиций. Напри-

вания (в большинстве случаев информанты просто оценивают правильность предложений, не комментируя их) относились к более частным проявлениям рассматриваемого следствия.

мер, все информанты (8 человек) отдавали предпочтение выбору *somebody* в следующих контекстах:

(13) *Quick! Somebody's drowning in the lake* «На помощь! Человек тонет» (пример информанта)

Ср., напротив:

(14) *Look! There's someone walking along the road* (пример информанта) «Смотри! Кто-то идет по дороге».

В экспрессивной речи *someone* может употребляться, если драматический характер действия зависит от заполнения актантной позиции:

(15) *Someone just tried the door* (S. Maugham. *The painted veil*) Кто-то пытался открыть дверь (в описываемой ситуации для говорящих важно понять, кто пытался открыть дверь).

В других стилях речи, не связанных с непосредственным восприятием актанта ситуации, выбор *someone* также часто определяется важностью идентификации актанта ситуации:

(16) *It was here, so plainly it comes from someone who knows of our advertisements* (J. Fowles. *The French lieutenant's woman*) «Письмо было отправлено здесь, и, следовательно, его написал кто-то, кто знал о наших объявлениях».

Someone также часто употребляется в контекстах, в которых раскрывается «инкогнито» участника. Однако наличие кореферентного имени еще не обязательно требует употребления *someone*; ср.:

(17) *Somebody touched him on the shoulder and he looked up. It was Henry Wimbush* (A. Huxley. *Crome Yellow*) «Кто-то дотронулся до его плеча, он поднял голову. Перед ним стоял Генри Уимбуш». (Здесь допустимо употребление обоих местоимений.). При этом *someone*, по утверждению информантов, непосредственно связано с именем собственным (*someone* = *Henry*). Напротив, *somebody* отывает первое предложение от второго, и его выбор требует каких-то особых предпосылок (например, может диктоваться желанием автора подчеркнуть, что герой повествования находится в полной изоляции, окружающие не обращают на него никакого внимания, и вдруг некто дотрагивается до его плеча — именно такая ситуация описывается в романе).

Если говорящий уже в момент речи знает, кто актант ситуации, и собирается идентифицировать его для слушателя, то в нейтральной речи употребляется только *someone*. Например, в (18) все опрошенные (8 человек) отдавали предпочтение выбору *someone*:

(18) *I'm not coming alone. There's someone I want you to meet ... Who?* (P. Theroux. *The family arseal*) «Я приеду не один. Я хочу познакомить вас с одним человеком...» «С кем?»

Выбор *somebody* в (18) оценивался либо как неправильный, либо как допустимый, но обусловленный особой стилистической функцией — придать речи элемент таинственности.

Даже если актант ситуации не будет идентифицирован для слушателя, само знание его говорящим создает предпосылку для акцентирования внимания на личности участника события. Поэтому при наличии такой предпосылки часто выбирается *someone*. Например:

(19) *It's a shell. I've seen one like that before. On someone's back wall. A conche he called it.* (W. Golding. *Lord of the flies*) «Это ракушка. Я уже видел такую же раньше. На заборе у одного человека. Только он называл ее рогом».

Употребление *somebody* в этих условиях также возможно. Его функция заключается в том, чтобы подчеркнуть небрежное или даже пренебрежительное отношение к участнику события:

(20) *Somebody at the reception desk referred me to the manager* (пример информанта). «Портье направил меня к управляющему».

(21) *Somebody gave me a bit of pencil* (пример информанта) «Мне дали кусочек карандаша».

Различие между *someone* и *somebody* в рассматриваемых условиях можно проиллюстрировать на примере теста, предложенного Д. Болинджером. Информантов попросили сделать выбор между *someone* и *somebody* в двух разных ответах на вопрос: «Для кого этот подарок?». В первом ответе подчеркнуто, что речь идет о дорогом для говорящего человека. Во втором, напротив, указано на неважность, несущественность идентификации участника. В контексте первого ответа все 17 информантов отдали предпочтение выбору *someone*, во втором — *somebody* [11, с. 230].

Итак, и *someone*, и *somebody* могут употребляться при описании уже осуществившегося или осуществляемого события, когда актант ситуации неизвестен ни говорящему, ни слушателю. При этом *someone*, в отличие от *somebody*, выбирается, если для говорящего важно идентифицировать участника события. Эти местоимения могут также использоваться, когда участник события известен говорящему, но неизвестен слушателю. В этом случае *somebody* получает экспрессивный признак: «неважно, несущественно, кто участник события».

4. В значении местоимений *somebody* и *someone* не входит признак альтернативности/единственности заполнения актантной позиции. Под альтернативностью понимается здесь информация о соотносительности с актантной позицией некоторого множества элементов, только один из которых (тот или иной) или по крайней мере один, но не все станет, стал бы и т. д. фактическим участником события. Информация об альтернативности или единственности привносится при их употреблении лишь контекстом. В ситуациях с альтернативным заполнителем актантной позиции *someone* и *somebody* как и в других условиях их употребления, представляют актант ситуации на уровне индивида или — реже — члена того или иного подкласса. Однако функция такого представления меняется: *someone* и *somebody* дают возможность обобщенного отображения в семантической структуре высказывания некоторого множества индивидов при сохранении за ними статуса индивидов. Вследствие этого данные местоимения часто употребляются, когда альтернативные заполнители актантной позиции известны, но говорящий хочет представить их «суммарно». При выполнении данной функции выбор *someone*, которое, как и в других условиях употребления, акцентирует внимание на личности заполнителя актантной позиции, не связан с важностью его идентификации. Здесь наличие или отсутствие такого акцента свидетельствует в основном об отношении говорящего к участникам события, что в свою очередь часто связано с размером или — если воспользоваться математическим термином — мощностью множества, элементы которого составляют альтернативы заполнения актантной позиции. Если участники события принадлежат к некоторой ограниченной совокупности — кто-то (кто-нибудь) из друзей, знакомых, сослуживцев и т. п., то чаще выбирается *someone*. Например:

(22) *I ought to have been told. Someone really ought to have warned me* (S. Maugham. *The painted veil*) „Мне должны были сказать. Кто-нибудь обязан был меня предупредить”.

Как отмечали все опрошенные, *someone* в этом контексте вызывает представление об ограниченном круге людей. Подобным же образом комментировалось и (23):

(23) *Well, the twins are now five and I'm so thankful I didn't leave them for someone else to raise them* (пример информанта).

При употреблении *someone* сообщается, что воспитание детей было бы предоставлено кому-нибудь из близких, знакомых. Напротив, *somebody* указывает, что ограничение в выборе участника снимается. В [9, 11] также отмечается зависимость выбора *someone* и *somebody* от размера множества. Мощность множества не составляет, однако, самостоятельного условия разграничения *someone/somebody*. Это условие лишь следствие признака «акцентирования/неакцентирования» внимания на личности участника события: при ограниченном числе элементов естественно создается предпосылка для их представления как индивидуальностей. тем более, что обычно речь идет о совокупностях, члены которых известны говорящему (или герою повествования). Кроме того, данное условие составляет лишь предпосылку, которая, однако, не обязательно определяет выбор между *somebody/someone*. Так, *somebody* может использоваться при описании ограниченного множества, если говорящий хочет подчеркнуть, что личность участника события для него безразлична. Ср. примеры (2), (3), а также (24):

(24) *It didn't occur to you to ask somebody or other what my name was?* (S. Maugham. *The painted veil*) «А вы не подумали о том, чтобы спросить кого-нибудь, как меня зовут?» (имеется в виду круг общих знакомых; слово *other* усиливает акцент на безразличии говорящего к выбору участника).

Кроме того, *somebody* выбирается при описании ограниченного множества, если говорящий хочет акцентировать внимание только на самом факте заполненности («неизбежности» заполнения) актантной позиции. Эта информация может дополняться и указанием на то, что для говорящего неважно, кто участник события, но здесь эта последняя информация необязательна:

(25) *And hurry up, Sydney, because you'll keep your mother waiting. Well, your granny then! . . . Somebody's coming to take you away, aren't they, Sydney?* (пример информанта) «Сидней, торопись, а то ты заставишь ждать свою маму. Ну, бабушку... Но ведь кто-то же придет за тобой, не так ли, Сидней?»;

(26) *He couldn't bear to be alone for a moment: it was death to him. Somebody had to be with him always* (B. Shaw. *The apple Cart*) «Он ни на минуту не мог оставаться один. Это было подобно смерти для него. Кто-то всегда должен был быть при нем».

Не существует прямого логического запрета на употребление слова, представляющего участника события как индивидуальность в высказываниях, цель которых — подчеркнуть саму заполненность актантной позиции. В этом случае могла бы происходить перестановка акцентов внутри компонентов самого слова, в результате чего указание на индивидуализацию участника события отступает на задний план. Однако если в языке есть противопоставленность по признаку «акцентирование/неакцентирование» внимания на личности, предпочтение, естественно, должно отдаваться выбору местоимения со вторым значением, что и имеет место в английском языке.

5. Материал, рассмотренный выше, свидетельствует о том, что местоимения с *-one* и *-body* имеют разную денотативную отнесенность: 1) они могут обозначать индивид или — точнее — актантную позицию, заполненную индивидом, который при этом представлен именно как индивид — и — реже — как член того или иного подкласса в рамках класса (люди);

2) они могут соотноситься с незаполненной или еще не заполненной актантной позицией, которой соответствует то или иное множество элементов, по крайней мере один из которых заполнит (или мог бы, должен был бы и т. д. заполнить) актантную позицию (элементы множества и в этом случае отображены как индивиды или члены различных подклассов).

Рассмотрим теперь еще два типа денотативной отнесенности, присущих *someone* и *somebody*. Данные местоимения употребляются также в высказываниях, описывающих многократные события. При этом они могут обозначать актантную позицию, заполнители которой при разных актах реализации события сменяются, т. е. в событии участвует то один, то другой и т. д. из элементов ограниченного или неограниченного множества:

(27) *Someone in the household was always remembering that a baby was on the way, and the someone was not always Edita* (J. O'Hara. *Ten North Frederick*) «В доме всегда помнили о скором появлении на свет ребенка, но этим „помнящим“ не всегда была Эдита»;

(28) *Never seem to get peace to get any work done, — said Quiggin. — Always somebody or other butting in* (A. Powell. *A question of upbringing*) «Нельзя работать. Нет ни минуты покоя, — сказал Квиггин. — Постоянно кто-то мешает».

Наряду с этим *someone* и *somebody* могут употребляться в обобщенных высказываниях, не соотношенных с конкретной группой индивидов. В таких высказываниях в отличие от существительных, которые могут обозначать либо класс в целом, либо типизированного представителя, члена класса, *someone* и *somebody* представляют актант ситуации на уровне индивида; этому актанту соответствует любой индивид, когда он окажется в соответствующей ситуации:

(29) *Let your boat of life be light, packed with only what you need — a homely home and simple pleasures, one or two friends worth the name, someone to love and someone to love you...* (G. K. Jerome. *Three men in a boat*) «И пусть лодка, в которой вы плывете по жизни, будет легкой, пусть в ней будет только то, что вам необходимо, — уютный дом и простые радости, один или два друга, достойные так называться, кто-то, кого бы вы любили, и кто-то, кто любил бы вас».

Замена местоимения на имя с общим значением *a woman to love* «женщина, которую бы вы любили» делает характеристику актанта ситуации более далекой, менее личной, что связано с представлением его именно как члена класса, а не как индивидуальности, личности. Это различие особенно четко ощутимо при употреблении *someone*, которое (как и в других условиях употребления) акцентирует внимание на том, что личность актанта ситуации значима. Вследствие этого *someone* употребляется в тех случаях, когда характер описываемой ситуативной роли таков, что личность возможного ее «исполнителя» безразлична. Напротив, *somebody*, показывая, что личность участника события несущественна, и вследствие этого употребляется в высказываниях, в которых описываются соотношения, закономерные связи, независимые от индивидуальности заполнителя актантной позиции. Например, все информанты (8 человек) отдавали предпочтение выбору *somebody* в (30), где сообщается о психологических последствиях осуществления доброго поступка, которые не зависят от выбора адресата действия:

(30) *What a pleasure it is, — said Denis, — to do somebody (*someone) a kindness* (A. Huxley. *Crome Yellow*) «Приятно оказать человеку услугу, — сказал Денис».

Someone может употребляться предикативно, т. е. обозначать набор свойств, присущих лицу в отрыве от их носителя. Такое употребление согласуется с постулируемым различием между *someone* и *somebody*. Понятно, что именно слово, акцентирующее внимание на качественной характеристике актанта ситуации (в данном случае на его индивидуальности), должно получить предикативное употребление. Использование *somebody* в этой функции, правда, также возможно, но здесь актуализируется особое его значение, не присущее ему в других употреблениях; а именно: оно указывает на исключительную, значительную личность (это значение отмечается в словарях). Если данное значение не реализуется, употребление *somebody* создает неотмеченное высказывание. Например:

(31) *Both are bewildered and miserable. Amy probably more so because she tends to see herself the way she thinks Paul sees her, as someone weak, morbid and boring* (International Herald Tribune, February 10, 1981) (**somebody*) «Оба растеряны и несчастны. Особенно Эми, потому что она видит себя такой, какой, как она думает, видит ее Пол: слабой, скучной, болезненной». Ср. также:

(32) *You know, boy, it does me good to meet someone (*somebody) like you now and then. Makes me realize the value of money* (I. Murdock. Under the net) «Знаете, молодой человек, время от времени очень полезно встречать таких, как вы. Это помогает понять цену денег».

В этих последних примерах местоимение *someone* употребляется, как нам представляется, в «скрытой» предикативной функции. Например, (32) можно интерпретировать следующим образом: «время от времени „мне“ полезно встречать „тех“, которые, соответствуют описанию „быть таким, как вы“». В рассматриваемых контекстах *someone* обозначает набор свойств, оторванный от их носителя. Носитель свойств представлен здесь отдельным членом предложения. Как следствие этого *someone* не может соотноситься с импликацией существования. Так, фразе *for someone not born to money, David...* нельзя приписать следующую семантическую структуру: «для кого-то, если (когда) он рожден в бедной семье, Дэвид...».

Somebody в отличие от *someone* не может употребляться для обозначения «неопредмеченного» набора свойств. Его использование становится возможным только в том случае, если устанавливается тождество между «носителем» одного свойства и «носителем» другого свойства, по отношению к каждому из которых может быть введена независимая импликация существования:

(33) *A good loser is somebody who doesn't become annoyed or angry when defeated* (пример информанта) «Достоинно проигрывает тот, кто не раздражается и не сердится, когда оказывается побежденным».

Семантическую структуру этого предложения можно интерпретировать так: «когда (если) имеет место ситуация борьбы и ситуация победы, то хорошим побежденным является тот борющийся, кто не раздражается и не сердится, когда побежден». Таким образом, мы предполагаем, что здесь устанавливается тождество между двумя независимыми актантами «тот, кто побеждает» и «тот, кто борется», каждый из которых может «вводить» импликацию существования (*если, когда кто-то*). Описываемая денотативная ситуация может быть отображена в семантической структуре высказывания и иначе: «хорошим побежденным является тот, кто не раздражается и не сердится, когда побежден». Здесь *тот, кто* обозначает не самостоятельный актант, а набор свойств денотата подлежащего. Такая семантическая структура должна реализоваться в соответствии с проводимой нами гипотезой при употреблении в (33) *someone*. Употребление

someone в данном контексте, как показал опрос информантов, действительно может иметь место. Больше того, все опрошенные (8 человек) отдавали предпочтение выбору *someone*, хотя допускали и употребление *somebody*. То, что выбор *someone* и *somebody* зависит от отмеченного различия в семантических структурах, видно из следующего: *someone* не взаимозаменяемо с *somebody* при описании ситуаций, в которых денотат, соотносительный с *someone*, может быть интерпретирован только как набор свойств. Местоимение *anyone* также может обозначать набор свойств, отделенный от его носителя:

(34) *Actors lived in a way she would have chosen for herself; they could be anyone and they could persuade others to believe in their masks* (P. Theroux. The family arsenal) «Она хотела бы жить так, как живут актеры. Они могут надеть любую маску и заставить других поверить ей».

Итак, проведенный анализ местоимений *someone*, *somebody*, которые взяты как пример производных с *-one* и *-body*, показывает, что их значение согласуется с развиваемой в статье концепцией местоименного значения. Рассмотренные местоимения «требуют» представления актанта ситуации на уровне индивида, отображенного в его индивидуализирующей характеристике или — реже — на уровне члена класса. При этом *someone* и *somebody* не раскрывают данную характеристику, а указывают, что она неизвестна говорящему или не будет сообщена слушателю. Таким образом, выделяются два обязательных компонента местоименного значения: 1) указание на уровень характеристики и 2) указание на «адрес» получения недостающей информации и в том числе сообщение об отсутствии «адреса» или нежелания его дать.

Местоимения *someone* и *somebody* могут соотноситься с разными типами денотатов: 1) обозначают актанта ситуации, представленный индивидом; 2) употребляют по отношению к актантной позиции, которая будет заполнена тем или иным индивидом из некоторого множества; 3) используются в тех случаях, когда существование заполнителя актантной позиции задается лишь в виде условия *если (когда)* . . . , *то* и т. д. Таким образом, рассматриваемые местоимения не связаны с каким-то одним денотативным типом.

Способность представлять актанта ситуации на уровне индивидуализирующей характеристики приводит к употреблению *someone* и *somebody* в тех условиях, где представление актанта ситуации только как члена класса было бы недостаточно и бессмысленно.

То, что местоимения *someone* и *somebody* только задают индивидуализирующий уровень характеристики актанта ситуации, но не раскрывают содержания задаваемой характеристики, позволяет использовать данные местоимения для выражения значения «обобщенного» индивида, в роли которого может выступать тот или иной конкретный индивид. Такую функцию они выполняют в высказываниях, описывающих многократные и обобщенные события. Еще одной ведущей функцией рассмотренных местоимений является указание на отсутствие сведений у говорящего об индивидуализирующей характеристике актанта ситуации или о том подклассе, к которому он относится. Они могут также указывать на нежелание говорящего раскрыть индивидуализирующую характеристику.

Различие между местоимениями *someone* и *somebody* определяется прежде всего тем, акцентируется ли внимание на личности (индивидуальности) актанта ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. Русский язык. М. Л., 1947, с. 258—259.
2. Collinson W. Indication. Baltimore, 1937.
3. Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М., 1959, с. 177.
4. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Гл. VIII. М., 1938.
5. Якобсон Р. Шрифтеры, глагольные категории и русский глагол.— В кн.: Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
6. Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М., 1985.
7. Бенвенист Э. Общая лингвистика. Гл. XXII. М., 1974.
8. Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения, М., 1981, с. 165.
9. Bolinger D. Meaning and form. London — New York, 1977.
10. Jespersen O. A modern English grammar on historical principles, Heidelberg, 1914.
11. Bolinger D. The in-group: *one* and its compounds.— In: The second Lacus forum. Ed. by Reich P. A. Columbia, 1975.